

ИГРУШЕЧКА

Вовчек

В 61

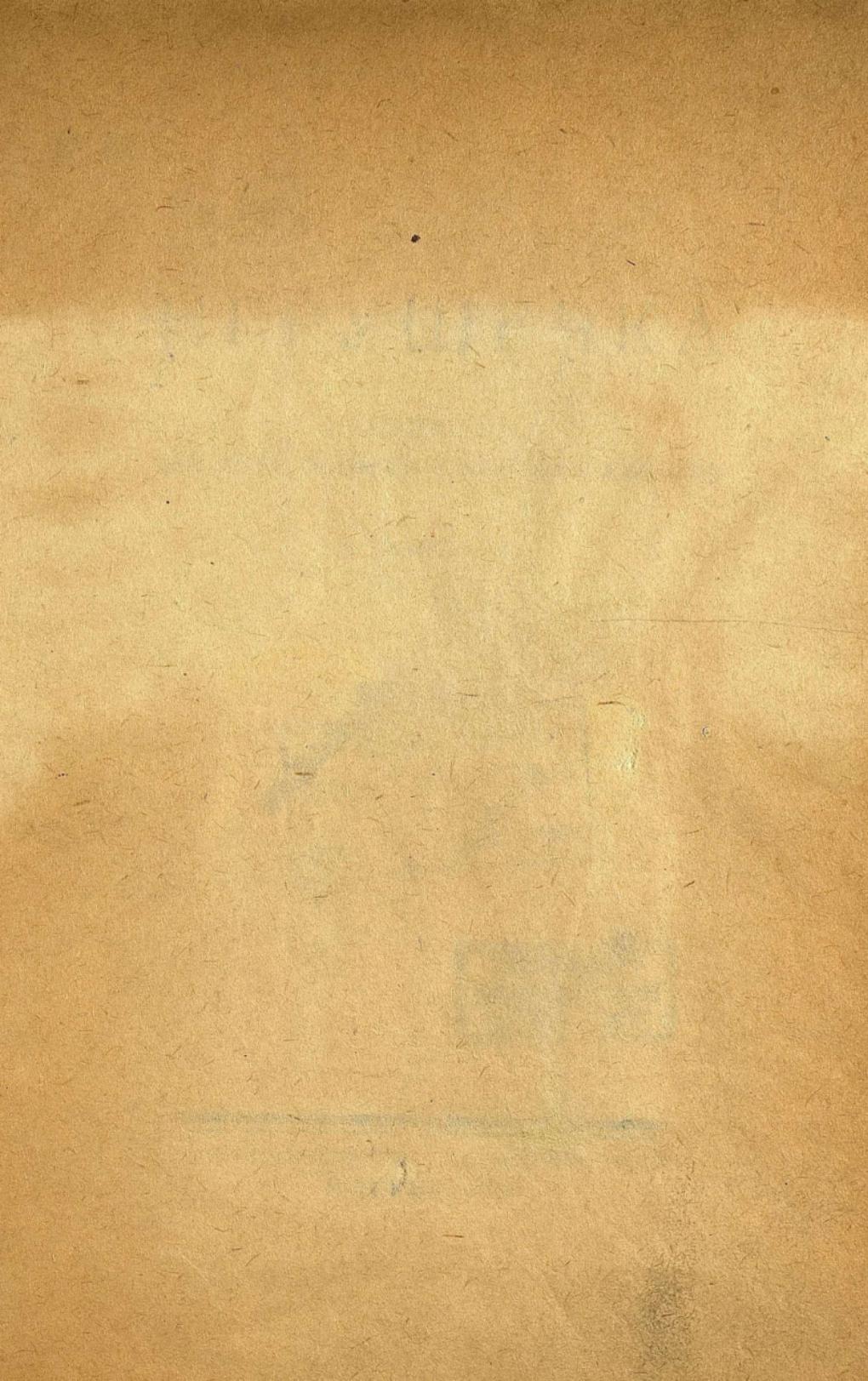
6 кв

В 613

ПОВЕСТЬ МАРКО-ВОВЧЕК.

ИЗДАНИЕ Г.Ф. МИРИМАНОВА МОСКВА 1928г.

1090. 1989

МАРКО ВОВЧЕК

№ 613

Р-613

ИГРУШЕЧКА

:: ПОВЕСТЬ ::

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

С рисунками худ.

А. ТОПИКОВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Г. Ф. МИРИМАНОВА

МОСКВА — 1928

МОСКВА,
Пречистенский бульвар, 7.
Тел. 3-38-04.

Ср

В 61. ВОВЧЕК, Марко

Игруйчка. Повести для детей
среднего и старшего возраста.

Рисунки Теникова.

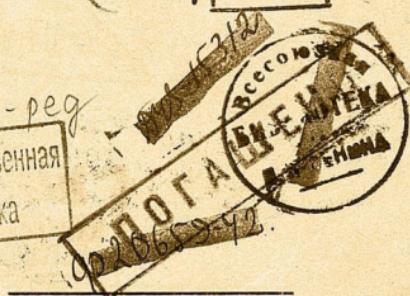
М. Мирнианов. 1928г. стр. 28. Ц. 26к.

Переведены отрывки из рассказа крепостной о том, как она стала "игруйчкой" по-меничьей дочери. Слащаво. Рисунки плохи.
Не рекомендуется к покупке.

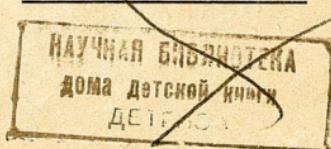
Бисл. Ксм 3/Х 1928г.

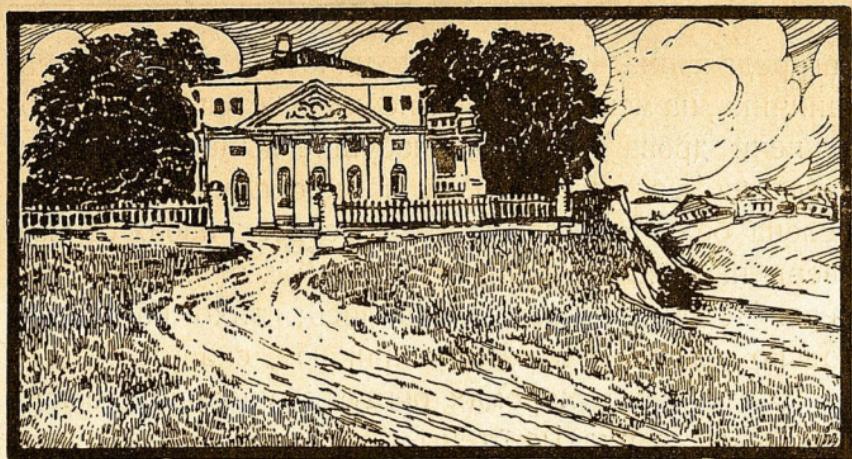
70197 1957-58 г.

642891 КХ-рег
Российская государственная
детская библиотека

:: Главлит № 91357 ::
Тираж 10,000—2 л. Заказ № 35
Гос. тип. им. Евг. Соколовой
Ленинград, пр. Кр. Команд., 29

Как я стала Игрушечкой?

Я родом-то издалека, свой край чуть помню: увезли меня оттуда по шестому году. Вот только помню я длинную улицу да темный ряд избушек дымных; в конце улицы на выгоне стояли две березы, тонкие, высокие. Да еще помню: у нас под самым окном густые такие конопли росли, а меж коноплями тропинка чернела, а где-то близко словно ручеек журчал, а вдали на горе лес зеленел. Да еще помню я свою матушку родную. Все она, бывало, в работе да все сиживала, пригорюнившись... Отца я не знала: помер он, мне еще и году не было. Жили мы в своей избушке... После, на чужой стороне, часто мне, бывало, те дни прошлые пригрезятся, что кругом поле без краю, солнце горит и жжет, сверкают серпы, валится рожь колосистая; я сижу под копной, около меня глиняный кувшинчик с водой стоит; подойдет матушка, с серпом в руке,

загорелая она, измореная, напьется воды из кувшинчика, на меня глянет и мне усмехнется... А зимою! В печи дрова трещат, в избушке дымно; хлопочет заботная моя матушка, а в окно глянь — снежная пелена белая из глаз уходит; во всех избах сенные двери настежь, и валит из дверей дым серый... Деревья стоят — инеем опушились; тихо на улице; только задорные воробы чирикают, скачут...

И вдруг я в хоромах богатых очутилась, всюду шелки да бархаты, стены расписные, гвозди золоченые... Стою я среди горницы замираючи, а передо мной сидит на кресле барыня молодая, пригожая, разряженная! Сидела она и, глядючи на меня, усмехалась. Маленькая барышня, румяненькая, кудрявая, вертелась по комнате да, смеючись, все меня беленьким пальчиком затрагивала — вот словно как деревенские ребятишки галчат дразнят. Как схватили меня с улицы и посередь горницы перед барышней поставили, так и стою я да озираюсь: сердце у меня со страху закатилось. Понемножку я в себя пришла и плакать стала, стала к матушке проситься. Барыня в серебряный колокольчик зазвонила, и человек усатый вбежал. «Отнеси ее домой!» — приказывает ему барыня на меня, а барышня как закричит, как затопает ножками!.. Барыня к ней — целовать, унимать, — барышня еще пуще...

Выскочил из другой горницы барин щеголеватый... «Что, что?» Махнули на усатого человека: «Иди!» а меня не пустили, кусочек мне сахару дали и велели: «Не плачь!»

— Я сижу под копной, около меня глиняный кувшинчик с водой стоит.

Потом я помню безлюдное да безбрежное поле, да по полю дорогу змеей черную, да помню свою тоску беспомощную. После уже, когда я в лета вошла, то от людей узнала, что и как было.

Увидела меня на улице барышня гуляючи; я барышне приглянулась. «Дай мне эту девочку, подари!» — говорит она барыне.

Барыня ее уговаривать стала: «На что тебе такая замарашка, глупенькая!» Да барышня ничего слушать, знать не хочет: «Дай девочку!»

Сама в слезы ударилась. Вот и приказали меня в хоромы привесть. Привели, да уж и не выпустили. А господа в другую вотчину уезжали, и на другой день у них был отъезд положен. «Хочу девочку с собой взять!» — кричит барышня. Попробовали ее уговаривать, только слова даром потратили. Барышня опять расплакалась, раскричалась; погладили ее господа по головке и велели меня в дорогу с собой снарядить.

Приходила к ним моя матушка с горькими слезами: «Отдайте девочку!»

— Я б тебе отдала, да барышня не пускает, очень ей твоя дочка понравилась, — ответила моей матушке барыня. — Ты не плачь, пожалуйста: она, ведь, скоро барышне прискучит, детям забава не на долго, — тогда сейчас твою дочку мы перешлем к тебе.

Вышла барыня из девичьей и говорит своей ключнице любимой:

— Ах, как жалко мне эту женщину! просто я на нее смотреть не могу. Идите, душечка, Арина Ивановна, скажите ей что-нибудь, дайте ей вот

— Стою я среди горницы замираючи, а передо мной сидит на кресле барыня
молодая, пригожая, разряженная

денег... ну, отдайте что-нибудь из моих вещей, что похоже. Только поскорее, чтоб она шла себе, чтоб тут не плакала.

Вышла Арина Ивановна к моей матушке и стала мою матушку из хором гнать. Матушка пошла. На другой день, когда мы уж выезжали, приходила она хоть проститься со мной,— не допустили.

— Лучше ты не показывайся: раздразнишь девочку и барышню еще в слезы введешь, и господ, чего доброго, разгневишь,— твоей же дочке лучше придется.

Матушка и не стала добиваться. Только как мы из деревни выезжали, она спряталась на выгоне в конопле да издали на меня взглянула, да благословила меня.

А мне-то, глупой девочке, каково приходилось?..

От страху, от слез задыхалась, а из всех дверей на меня грозятся, сверкает на меня глазами ключница; барыня проплынет через горницу, усмехается; покажется в дверях барин щеголеватый, песенку себе насвистывает; прыгает барышня, веселенькая,— и все на меня глядят, и всех-то я боюсь.

Путь-дорога моя ясно мне помнится. Я ехала в бричке с ключницей, с Ариной Ивановной, следом за господскою каретою. Арина Ивановна была и гневна, и придирчива; за мои слезы детские била меня, не позволяла мне из брички выглянуть, и все мне спать приказывала. Я, бывало, как встречу ее глаз черный, злобный да голос шипящий послышу, меня уж дрожь пронимает. Тоска безутешная, страх беспрестанный да жаркое лето знойное, меня совсем истомили,— я захворала.

Тогда меня перестали на всяком постое к барышне на забаву таскать,—боялись, что болезнью ее заражу, велели меня в бричке уложить и с барского стола мне подачки присылали.

Бывало, едем-едем, и укачет меня, дремота нападет тяжелая да беспокойная, и вдруг что-то зашумит, пахнет в лицо прохладой; открою глаза, а то мы дубовый лесок проезжаем и веет свежий ветерок, и зеленые листья шелестят полегоньку. Хочу приподняться: «Чего тебе? Куда?»—прикрикнет Арина Ивановна... Я опять глаза закрою, и опять едем-едем под солнцем жарким, и какая-то птица звонко-звонко кричит. Иногда, бывало, барышня вырвется из кареты, вскочит в бричку и давай тормощить меня. «Вставай, вставай ты поскорее, мне без тебя скучно!» Случалось, что и сама барыня подойдет: «А что, Арина Ивановна, что Игрушечка? Меня, видите, Грушей звали. Говорят, как спрашивала барыня у моей матушки: «Как твою дочку зовут?» «Грушечка»,—отвечала ей моя матушка. «Грушечка, Грушечка,—подхватила барышня,—пусть будет она лучше Игрушечка!» Господа посмеялись, им полюбилась кличка такая. С той поры и стала я Игрушечка...

Как мне жилось в барском доме?

Приехали мы в вотчину, в село Рогожино, и там господа на житье поселились. Сначала на новом месте все мне смутно представляется. Я лежала долго больна в избе душной, и поили меня какими-то

горькими травами. Много людей в той избе толпилось; они себе и ссорились и мирились, и охали и веселы бывали. Были они мне все чужие. Я только на них смотрю, бывало, а они на меня-то разве мимоходом глянут, — тоже им девочка чужая. Да и дела много у всякого. Известно, что дворня всегда в суете да в беготне. Хоть дела-то невелики, да лучше великих уходят.

Арина Ивановна ходила ко мне всякий день, и обед мне из хором приносили. Придет всегда сердитая, грозная: такой страх, бывало, на меня напустит...

Как только стала я поправляться, тотчас меня опять к барышне привели, и уж с этого дня безотлучно при ней держали.

Рядом с детской была Арины Ивановны горница, а подле горницы — маленький чуланчик темный, узкий, словно ящик, там я спала. Как вспомню, какие там страхи на меня находили! То представится мне, что кто-то к моему уху наклоняется — шепчет, то в потемках мне чьи-то глаза сверкнут, то чудится, что-то щелкает... Завернусь с головой в старенькое жалованное одеяльце, лежу, чуть дышу... И вспомнится мне вдруг, как меня матушка на руки брала, как меня голубила, — больно сердечко забывается, зальюсь слезами горючими... И долго, и горько плачу; пока уж из сил выбьюсь, засну. И приснится мне матушка, я к ней прижимаюсь крепко, я хочу все ей рассказать да пожаловаться, да приласкаться, а тут меня толкают, будят; сон прогнали, — и уж как я, бывало, эти сны отлетевшие оплакиваю, словно живых людей!

Арина Ивановна с первого взгляда меня не взлюбила, а еще пуще гнала за то, что барышня меня жалела, что, бывало, меня шагу от себя не отпустит; на Арину Ивановну: «Идите, идите, Арина Ивановна, мне вас не надобно, я буду с Игрушечкой»

Зато Арина Ивановна, где ни попадет, там меня и пристукнет: «Вот, твердит, вот не было печали! Ах, бесенок ты этакий!» Сначала уж очень она обижала меня, так что и барышня жаловалась барыне, и барыня сама Арину Ивановну усовещевала:

— Была у Зиночки козочка дикая,—говорила,— был попугай у Зиночки, как вы за ними ухаживали, помните, Арина Ивановна? Что же вам бедная Игрушечка сделала? За что вы ее так гоните?

— Не гоню я ее, сударыня, а только мне вот обидно, что хамку со мною равняют. Я хоть бедная вдова, да я родовая дворянка.

— Ах, милая Арина Ивановна? Кто же вас с нею равняет? Вы понимаете, что она—Зиночкина забава. Вы для Зиночки это сделайте, не обижайте Игрушечку.

— На что мне она! — ответила Арина Ивановна. — Служила я вам всегда, кажется, и верой и правдой, и вот, сударыня, до чего дослужилась! Мне заказ девчонку поучить! Для вас же, сударыня, я ее учила; не угодно вам, — как изволите!

Мало мне полегчало после этого разговора. Реже, исподтишка, да больнее стала меня Арина Ивановна донимать. И за все стала ко мне придиরаться. Пройду ли мимо: «Иди-ка сюда, любимочка, — кивает на меня гневно, — иди-ка! Ты это на радостях, что

у меня голова болит, бурею-то носишься?» Говорю ей: — «Барышня меня послала, за делом иду» — «Вот тебе барышня! Вот тебе!» Чашка ли, тарелка ли, разобьется на другом конце дома, — я отвечаю. «Твоих рук, — говорит, — не минуло!»

Хоть перед нею плачь, хоть божись, она не послушает, чаще молчишь, бывало... Да она и сама, верно, знала, что напраслину взводит. Раз она меня пилатила, пилатила, да уж потом и сама мне говорит: «Ах ты, бессчастная, и на что ты на белый свет народилась?»

Материн гостище

Одним вечером сидели мы с барышней в детской, играли на ковре, а Арина Ивановна в своей комнате шила, и слышу входит к ней кто-то; Сашин голос узнаю (девушка была горничная Саша). «Арина Ивановна, — говорит, — опять тростинский мужик пришел, просит, чтобы к Игрушечке его допустили»

— «Как ты смеешь мне глупые слова его мужицкие переносить? Сказала я уж раз ему, чтобы убирался! Он у меня дождется радости, дождется!» — грозит.

— «Да уж очень он просит, Арина Ивановна, — говорит Саша: — Игрушечкиной матери обещался, просила-то как она, — сказывает, — слезами обливается: «Сам ты посмотри на нее да хоть расскажи мне, какая она стала!»

Я сижу, так и обмираю.

«Вот уж выдумки глупые! — ответила Арина Ивановна еще сердитее. — Чего ты-то лезешь, Игру-

— Чашка ли, тарелка ли разобьется на другом конце дома — я отвечаю.
«Твоих рук, — говорит, — не минуло!»

шечка с барышней играет, барышню мне что ли для вас раздразнить?»

«На часочек, Арина Ивановна: он только отдаст Игрушечке гостинец, что мать прислала, да глянет на нее»

«Что еще за гостинцы там? Принеси-ка сюда, я сама ей отдам»

Горько я тогда зарыдала. Барышня встревожилась, бросилась ко мне — она играючи не прислушивалась. «Что, Игрушечка, что такое?» — добивается. Арина Ивановна вскочила в детскую.

— Что такое?

— Игрушечка, скажи! — пристает барышня.

— Прислала мне матушка гостинец, — жалуюсь, — не отдают.

— Да что вы ее глупую, слушаете? — закипела Арина Ивановна, вот я ей задам матушкиного гостинца, чтобы барышню не тревожила! Сейчас у меня перестань, негодница! Нишкни! А сама ко мне...

— Не смейте ее трогать! — крикнула барышня. — Какой гостинец ей прислали? Где гостинец? Сейчас ей отдайте! Сейчас сюда принесите!

А из двери бородатое лицо чье-то выглянуло. Арина Ивановна коршуном кинулась.

— Как смеешь? Куда?! — и двери захлопывает.

— Да как же, матушка, — ответил ей кто-то из-за дверей протяжным голосом, — дал слово, держись... пускай господа сами рассудят.

Барышня оттолкнула Арину Ивановну и настежь двери распахнула. Вижу стоит мужичок в сером

армяке с шапкою в руках: лицо худое такое, борода длинная. Смирный да добрый был с виду.

— У тебя гостинец Игрушечкин? — спрашивает барышня. — Иди сюда да отдай ей.

Мужичок барышне низко поклонился вошедши, поглядел на всех и на меня, потом сказал:

— Видно Груша? Поди-ка, Груша, сюда, — говорит мне, — поди, я по головке поглажу.

И погладил меня по головке. Арина Ивановна только глядела да думала, чтоб ей тут сделать, барышни боялась да губы кусала; потом не в мочь ей стало — вышла.

— Мать кланяется, — говорит мне мужичок: — помнишь мать-то еще? Ну, не плачь. И гостинчик мать прислала.

Вынул из-за пазухи мешечек и дал мне, а я тот мешечек крепко ухватила...

— Что ж от тебя матери сказать, а? — спрашивает мужичок, а я только плачу.

Арина Ивановна в дверях стала:

— Что ж, — говорит, — скоро? Ты приказчику нужен — иди!

— Ну, прощай, Груша! — сказал мужичок. — Не плачь, мать еще гостинчика пришлет.

— Я к ней хочу... к матушке хочу! — рыдаючи, я ему вымолвила.

— Ну, хорошо, хорошо, и к ней пустят, только вот не плачь!

— Царица какая появилась! — загремела Арина Ивановна, — еще поблажку ей давать! Не видать тебе матушки твоей, не видать! — вскинулась на меня, — а ты, иди-ка, иди! — гонит мужика.

Погладил он еще по головке меня и ушел. Арина Ивановна вслед за ним выбежала, и большой шум поднялся в девичьей: то слышно крик — Арина Ивановна кричит, то протяжно мужичок говорит...

Барышня сидит, свою губку прикусив, и на меня поглядывает, а я свой мешечек развязываю. В том мешечке были две запашные рубашечки да глиняная уточка, да пряничек медовый.

— Покажи, покажи, Игрушечка, что тебе мать прислала, — говорит барышня, подсаживаясь ко мне, и так все оглядывает, осматривает... Вошла Арина Ивановна и насмехаться стала:

— Ну, уж рубашечки! Из паутиночки тканы! Да при господах и носить-то таких нельзя: дотронется как барышня, то и ручку себе обдерет. Дайте-ка я их зашвырну куды подальше!

Уж где у меня и сила взялася, где и храбрость! Не даю, борюсь!

— Арина Ивановна, идите прочь! — крикнула барышня, — идите прочь! — и прогнала ее опять из детской, сама опять подле меня села. Долго я над своим гостинцем плакала, а она на меня все поглядывала, призадумавшись.

Переждав, пришла опять Арина Ивановна.

— Что вы, Зинаида Петровна, так заскучали? — спрашивает барышню.

Барышня вздохнула и на меня пальчиком показала.

— Она все плачет по своей маме; она к своей маме хочет!

— Да пусть себе хочет! Чего же вам-то беспокоиться. Не хотите — не пустим, мой ангел, вы не беспокойтесь!

— А плачет?

— Мало чего нет! да вы ведь взяли себе ее в забаву, вы ее госпожа, мое сокровище, что с ней захотите, то и сделаете: плакать прикажете — плачь! прикажете веселиться — веселись!

— А как она не станет?

— Не станет?.. Да мы ее так проучим, что она у нас шелковая будет!

— Мне жаль Игрушечку!

— Вот то-то и есть, что вы все жалеете! И проку из нее не будет... Вы не жалейте!

— Жалко Игрушечку! — твердит барышня, — жалко Игрушечку!

— Говорю, перестаньте жалеть, — перестанет она и плакать, и всю ее блажь, как рукой, снимет.

Все это говорится, а я слушаю... слушаю, а слез не могу сдержать — льются...

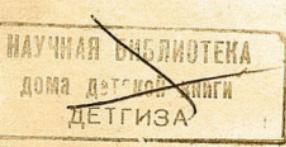
Вот барышня лицо наступила, бровки нахмурила, надула губки и подступает ко мне грозно:

— Игрушечка, чего ты скучная? Сейчас веселись! Ну, веселись! Я тебе приказываю, я твоя госпожа — веселись!

— Ах, ах, голубчик ты мой! — едва промолвит от смеху Арина Ивановна.

А я, глупый ребенок, слезами заливаюсь торькими.

— Веселись, Игрушечка, — приказывает барышня, — веселись и маму свою сейчас забудь. Слышишь, что я тебе приказываю? Ну, забыла свою маму?

— Нет, — говорю, — не забыла.

Арина Ивановна ко мне:

— Да ты смеешь ли так барышне отвечать, а? Что? Ах ты грубиянка! Велят тебе смеяться, — сейчас у меня смеялся!

Смеюсь я перед ней, слезы свои горючие гло-таючи...

— Ну, вот, видите, мой ангел, она и смеется, — утешает барышню Арина Ивановна. А барышня глядит на меня такими-то пытливыми глазенками.

— Игрушечка? — говорит, — как же ты и пла-чешь и смеешься, а я вот не стала бы.

— И, голубчик, равняется с кем! — ей на это Арина Ивановна. — Ей, что прикажут, то она и может.

— Вот, Игрушечка, ты какая! — проговорила барышня, — вот какая!..

С той поры часто она, бывало, меня страшает:

— Игрушечка, не скучай! Ты знаешь, я все с тобой могу сделать; я тебя ведь баловать не буду, — ну вот велю сейчас волка позвать и прикажу, чтобы тебя волк съел. Волк ам, ам! и съест, а я жалеть о тебе не буду и отнимать у волка не буду...

Как я узнала о смерти матери?

Шло время да шло; год и прошел. Раз, чем свет, будит меня Арина Ивановна. Я вскочила.

— Оденься поскорее, в церковь со мной поедешь, — говорит, — да по матери, своей панихиду отслужишь.

А я никак в толк не возьму: голова у меня кругом пошла. Умерла? Когда?

— Чего смотришь? — толкает Арина Ивановна. — Собирайся, говорят, скорее, пока еще барышня не проснулась!

Вертела она меня и совала, и теребила, и все над ухом твердила: «Не помянешь покойницы матери, плохо тебе будет»

Посадила меня с собой в бричку и повезла.

Билось, билось мое сердце и замирало, будто я ждала кого-то... да все тихо по полям было, белели они под росою, солнышко еще не всходило, из-за лесу холодноватый ветерок тянул.

Подъехали мы к церкви. Вошли — церковь пуста, один седой понамарь прошел, крестясь да зеваючи. Арина Ивановна прикладываться пошла к образам и мне махнула: «Иди!» И я за нею пошла. Стали по матушке моей панихиду служить. Я была словно в каком-то тумане. Дым от ладану клубился, в дыму свечи мерцали; два старичка дьячка пели разбитыми голосами, и тихо их пение по церкви дребезжало. Арина Ивановна стояла впереди, все на меня оглядывалась и все мне грозилась; чужие люди в церковь собирались на обедню, на меня смотрели, вздыхали и крестились... «Умерла матушка»... — думаю, а слез у меня нет...»

Отошла и обедня. Народ повалил из церкви и рассыпался по дорожкам да по тропинкам. Сколько голосов шумливо смешалось! Арина Ивановна около церкви прощалась с молодой дьячихой и на меня ей показывала.

— Вот, — говорила, — приказала ей по матери панихиду служить. Без меня так бы покойницу-мать и не помянула!

А дьячиха мне нараспев:

— Что ж тебе родной матери-то не жалко, что ли? — Ах, грех-то какой!

— А я ей еще не говорила, долго все думала: вот разголосится; она и слезки не выронила. Силой почти и в церковь-то привезла.

А дьячиха опять нараспев:

— Ах, грех какой! Ах, грех какой!

Поехали мы домой... Солнышко уже высоко взошло. Опамятались я, и тогда-то уж досыта наплакалась. Какая тоска мою душу сжала! Какая печаль! Арина Ивановна меня бранит и упрекает, да грозится: «Отчего в церкви не плакала, полуумная! Теперь только хватилась! Вот я тебе дам слезы!»

Барышня увидала меня, сейчас заметила.

— О чём Игрушечка плакала?

— У ней мать умерла, — ответила Арина Ивановна.

— Отчего умерла?

— Оттого, — говорит Арина Ивановна, — что Игрушечка не слушается, что девочка злая, упорная, так вот бог у нее маму взял.

— А я-то не слушаюсь? — промолвила барышня.

— Да вы барышня, как же вам с нею равняться, мой голубчик.

— Мне бог простит? — спрашивает барышня.

— Помолитесь хорошенъко, то и простит, мое сокровище.

— А Игрушечку?

— Ну, Игрушечка глупая, упрямая, зато и бог ее не любит, зато и наказывает.

— А добрым все можно?

— Добрый человек хот и согрешит, то все так себе... а злой человек все по злости делает, вот и нет ему прощения.

— Смотри же, Игрушечка,—говорит мне барышня,— ничего не делай по злости, будь добрый человек, все тогда тебе можно.

.....

Как жили наши господа?

Господа наши жили весело и шумно. Гости почти со двора не съезжали. Дом был высокий, помещительный, веселый: на горе стоял. Кругом дома все сады, цветники, теплицы и широкая лестница каменная под гору, а под горою речка бежала. За рекой, по горе отлогой, чернелись избушки, а на самой вершине реденький березовый лесочек зеленел; а там, куда ни глянь, далеко-далеко чистое поле стелется, ровное... Часто, бывало, господа наши и чужие глядят на ту гору, на избушки ветхонькие — которая покосилась, другая в землю врастает,—глядят да друг другу говорят: «Вот, говорят, русский настоящий вид! Только у нас такие виды печальные!» Чей-то барин, усатый да плечистый, все, бывало, при этом себя в грудь бил руками: «Родное, родное!» —приговаривал. Очень он яро это приговаривал.

Господа наши были молоды. Нашу барыню все красавицей величали. Такая была высокая да статная,

чернобровая, белая, только ленивая. Ах, какая она уж ленивая-то уродилась! И глянет-то на тебя вполглаза. Всей работы у ней было, всего дела, что из горницы в горницу плавает, склонив голову на бок, и длинным своим платьем шелковым шуршит. Оживится немножко она, разве как гости наедут, говорливые да веселые, да осудливые.

Барин поживее ее был, веселые песенки все певал да наспистывал. Говорили, что не башковат он, ну да зато смирен был; с барыней они жили согласно. И она была барыня добрая. Никого они не корили, не казнили, они и сердиться-то редко сердились. Приди кто из людей с какою просьбой к ним,— ничего, не выгонят, разве только пускать не велят, коли докучило, или пообещают, да не сделают— забудут. Жили да поживали наши господа довольны да веселы, мирны да спокойны.

Вот это сидят, бывало, в гостиной; барин свистит, а барыня глазками по горнице поводит, и вдруг ей в голову пришло:

«Мой друг,— говорит барину,— а ведь голубые-то обои были бы лучше в гостиной!»

Барин так и вскочит горошком.

«Душечка, какая мысль тебе хорошая пришла! Где у меня-то рассудок до сих пор был?» и давай себе по лбу ляскать...— «Ну, такого дела откладывать нечего, сегодня же в город пошлем, а к воскресенью, чтобы все готово было»

И примутся хлопотать, примутся суетиться, волноваться как бы кто из гостей не приехал— удивить хотят, и вдруг, если бы застали, что стены ободраны. А иных

тревог, иных забот у них, кажись, и не бывало. Никогда я не видала, чтобы барин наш призадумался, чтобы барыня всплакнула,—нешто безденежье или барышня захворает. А безденежье их часто пристукивало. Любли они оба и жить роскошно, и наряжаться богато. Пиры у господ за пирами, а тут глянь — денег нет. Вот сядут они тогда в гостиной и сидят, приуныли. Один в окошко глядит, другая в другое; «Ох-ох-хо-х!» — охают. А прошла беда, продали или заложили деревеньку, денежки зазвенели опять, и опять обеды званые, гости нахлынули, пир горой, и весело живется, и хорошо им.

На эти пиры, на угощения много деревень с рук сплыло... И Тростино мое родное. Кажется, ведь ни роду ни племени там у меня, да и ни лица-то знакомого, а жалко-жалко было и слезно я плакала, и живей мне былое время припомнилось... Хоть Арина Ивановна дразнила меня, бывало, что избушка наша давным-давно завалилась, я хоть часто пла-кала от ее слов, а все не верила ей.

Барышня все больше ко мне привыкала. И то сказать, что мы ведь все вместе с нею были. Утром, бывало, проснется барышня, оденет ее Арина Ива-новна и поведет к господам здороваться, а я за ними следом иду. Господа за чаем сидят. «А, Зиночка пришла! — говорит барыня. — А ну, Зиночка, присядь!» Барышне чаю нальют, а мне окрайчик белого хлеба

кинут, да и отпустят нас в детскую. Случится ли, что господа сами в детскую придут, то не надолго. Сядут да и смотрят на барышню, любуются, усмеются. Обцелуют ручки и ножки, и ротик, и глазки, и уйдут к себе...

Арина Ивановна день-деньской хозяйством занята, одни мы себе в детской играем... Барышня скоро от игрушек отстала. Любила барышня больше размышлять да говорить, да слушать. Бывало, подсядет ко мне: «Игрушечка, скажи мне, как ты прежде жила?» Я ей рассказываю, что помню, а она сидит смирнехонько, тихонько и, ушки навострив, слушает, слушает... Да стала к тому хворать и шибко росла, просто не по дням — по часам росла... И все чудней становилась. То, бывало, по целым дням шумит, ко всем придирается, привередничает. А то, бывало, так: сидит она целый день, не шевельнется — думает, и как примется куда глядеть с утра, то до вечера глаз не отведет, на стену ли, в окно ли смотрит и не видит, а говоришь с нею — не слышит. Чаще да чаще стало на нее находить... Господа очень сокрушились.

Минуло барышне 14 лет. Тут уж и все стали замечать, что она умом мешается... забывать стала и меня. Стала она всех дичиться, потом ото всех бегать — тоска у ней безотходная была, ныла она да чахла. Перестала, узнавать, — ни отца ни матери не узнавала. На моих руках она и умерла...

После барышиной смерти барыня меня за собой ходить приставила. «Она за Зиной ходила — я хочу, чтобы она и при мне была» А время своим

чередом пошло, стали привыкать, слезы высохли, только вздохнут о барышне, как вспомнят, да поскорей речь о другом заводят, повеселей...

• • • • •

Что было после смерти барышни?

Недолго пожила после барышни и Арина Ивановна. После нее мне было вольнее: и на крылечке постоишь, и сад обежишь — не боишься. Барыня за нами не следила, лишь бы ей все было готово, подано, а то, что себе хочешь делай, где угодно будь. Кроме того, господа в последнее время в большой тревоге были и печали: совсем денег не было.

Уж давно повадился к нам ездить новый сосед, барин угрюмый такой, усы у него щетинистые, взгляд железный какой-то, одет весь в черном, а на шее красненькая ленточка. Он по соседству себе имение большое купил года два назад, и мы его понаслышке до сей поры знали, что будто очень он мот был. Вот познакомился он с нашими господами, сам приехал да стал учащать. Как он ни побывает, всегда после барыня плачет, а барин вздыхает да насвистывает... да не прежнюю веселую плясовую, а какую-то заунывную... И как знакомец новый приедет, разговоры у них с господами жаркие идут... Стал слух носиться, что ему хотят Рогожино продать...

Как-то раз под вечер приехал исправник и с ним весь стан и еще какие-то господа, что на все кругом такими жадными глазами смотрели.

Созвали людей к крыльцу, объявили им, что проданы они; нового барина показали... А он стоит и оглядывает покупку свою и поморщивается, — не по нраву ему пришлася.

— Что за люди? — говорит исправнику, — как стоят? как глядят? Смелость-то, дерзость-то какая!

— Ничего, — исправник отвечает, — исправить всякого можно.

Новый барин сейчас же поселился в доме... Прежние наши господа еще на два дня оставались... Новый приказчик приехал за всем надзирать, и неутомим был, и неусыпен; везде его голос сиплый слышен; во всех уголках он словно из земли вырастал — сам приземистый, голова большая, взгляд свирепый, а в руке арапник тройной. Накануне выезда призвала меня барыня:

— Игрушечка, — говорит, — собралась ли ты? Ведь ты со мной едешь. Как благодарна я вам, — обратилась она к новому барину, — что вы мне эту девушку уступили — я привыкла к ней очень... как я благодарна вам!

И вот мы переехали к барыниной тетеньке — поселились у нее, да живем себе... Никого мне, ничего знакомого, только вот портрет барышни покойницы; кудрявенькая и веселенькая она на портрете: такая была она, когда меня Игрушечкой называла. Далеко же теперь Игрушечка, переброшена далеко...

Барынина тетенька уже старая барышня, седая и скучая. Ходит она вся в черном и молебны часто служит, а платит она за них не деньгами — мукой или овсом, или круп пошлет. Дом у ней большой, комнаты темные, и везде черные коврики суконные

— Игрушечка, — говорит, — собралась ли ты? Ведь ты со мной едешь. Как благодарна я вам, — обратилась она к новому барину, — что вы мне эту девушку уступили

перед порогами. Кругом дома амбары, кладовые, —
везде тяжелые замки висят; сады и те замкнуты.
Девушки, горничные все кружева плетут,—барышня
продает, и все говорят шопотом, тишина в доме,
тишина, только барышнина собачонка заливается
лаем звонким... Скучно моим господам у тетеньки;
похудели и побледнели у ней живучи, и словно по-
линяли... Приду я барыню раздевать свечеру, а она
мне жалобно:—Игрушечка! скажи хоть ты что-ни-
будь веселое!

Меня выучили кружева плести... Вот я кружева
плету и век свой изживаю... Много времени с той
поры прошло, как я сюда приехала, много тоски,
много скуки едкой пережито... Ни к кому я сер-
дечно не привязалась, ни к кому уж и не привяжусь...
Только сердце забывается, только душа повлечет —
видится мне впереди пустая степь безбрежная,
дальняя дорога да тоска жгучая, да слеза одинокая...

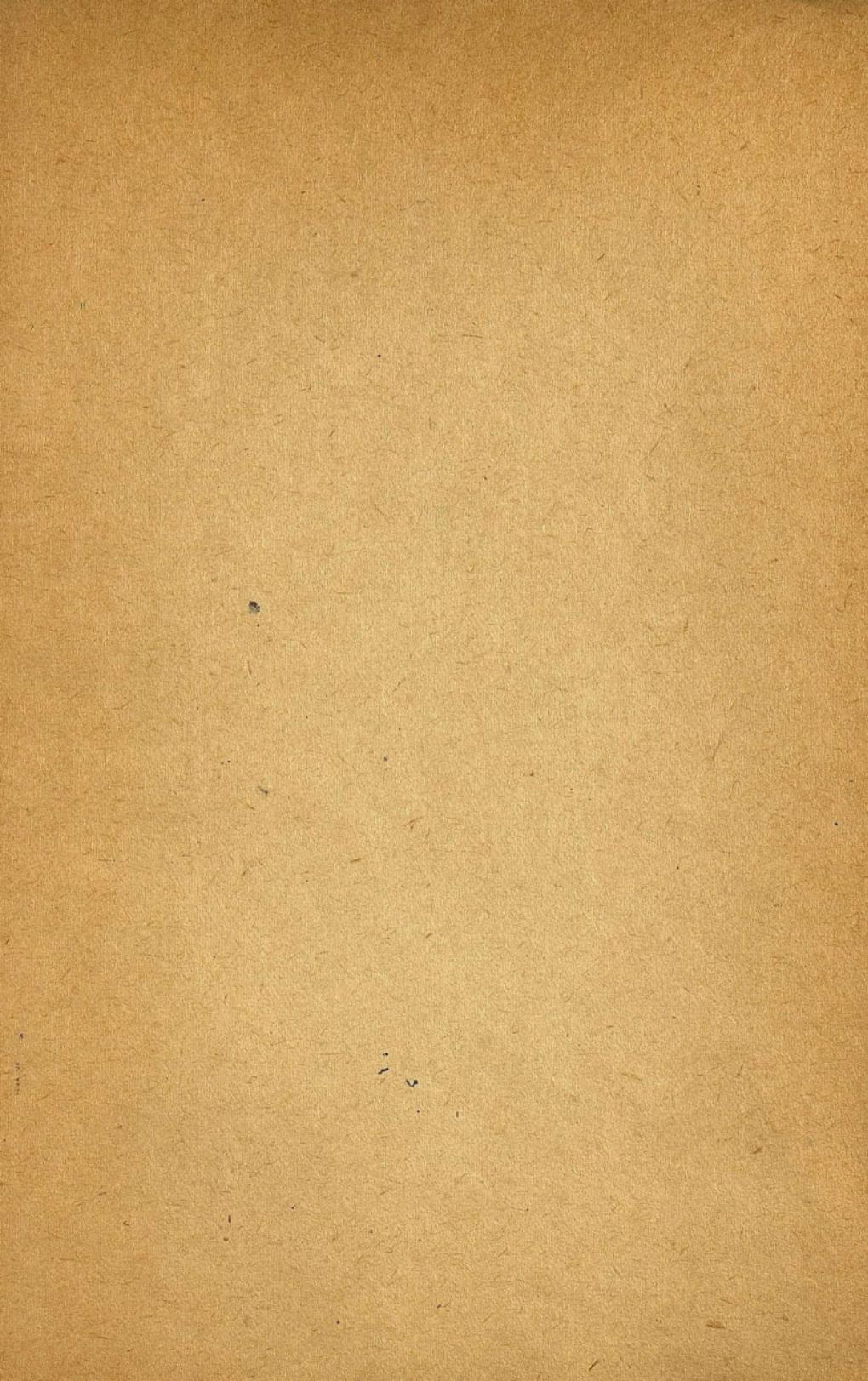
642 891

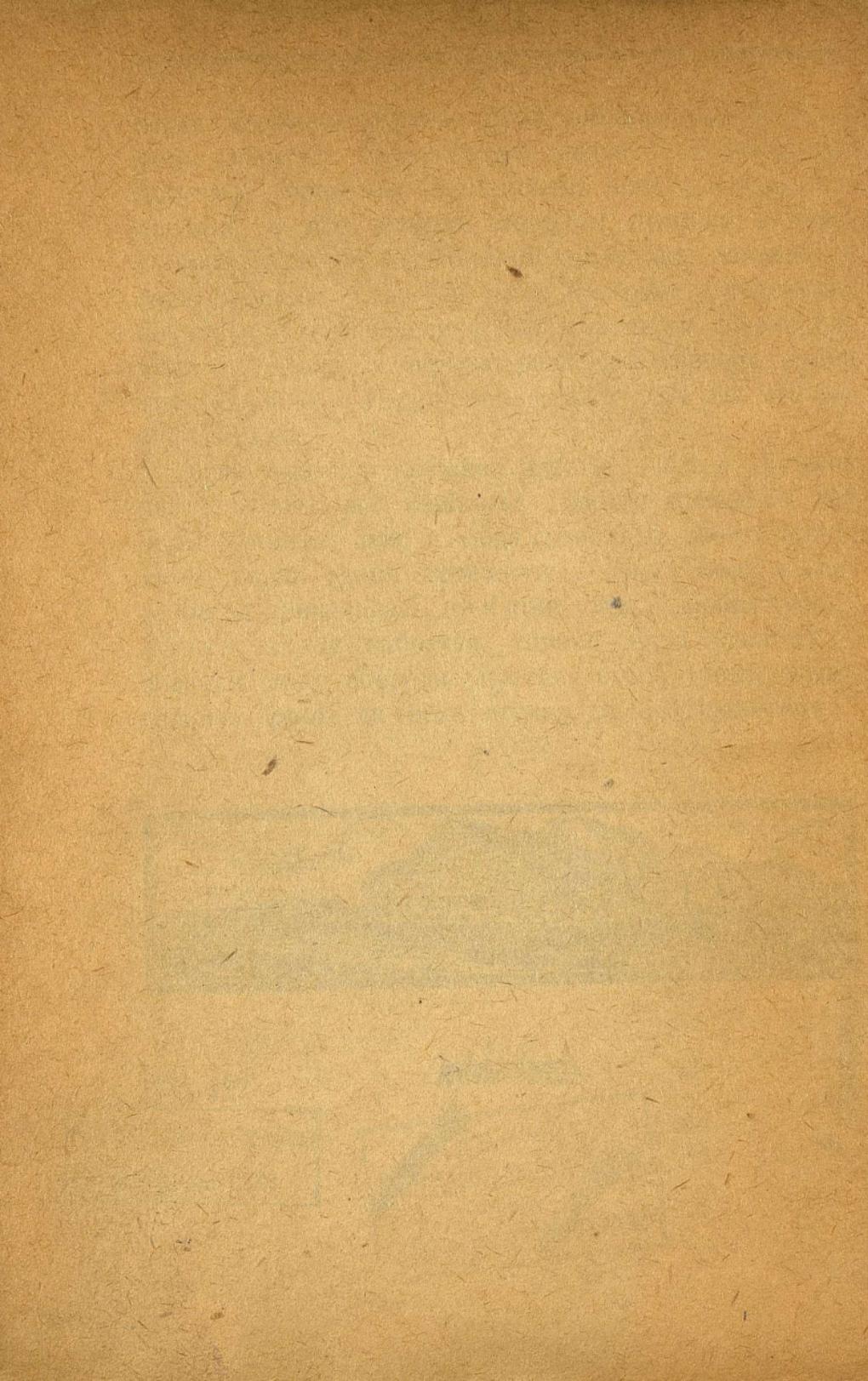
Российская государственная
детская библиотека

53/6

КАБИНЕТ
ДЕТСКОГО БИБЛИОТЕКАРЯ
— при —
Центр. Детской Библиотеке.

8/2/8

B

5 - ABΓ 1942

36-

ЦЕНА 26 к.

90-

63

